

К 130-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ МАРИНЫ ИВАНОВНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/litzhur/2022.57.01

О.Е. Осовский
© Осовский О.Е., 2022

МАРИНА ЦВЕТАЕВА В БИОГРАФИИ КНЯЗЯ Д.П. СВЯТОПОЛКА-МИРСКОГО

Аннотация. Статья посвящена литературным и человеческим отношениям двух ярких фигур литературы российского зарубежья М.И. Цветаевой и Д.П. Святополка-Мирского. По мнению автора, анализ этих взаимоотношений в контексте истории литературы, культуры, идеологии и политики эмиграции в значительной степени дополняет современные представления не только о зарубежной России, но и о том, как функционирует и трансформируется жанр литературной биографии, как работает «малое время» (М.М. Бахтин) в жизнеописании писателя и литературного критика. На материале биографий М.И. Цветаевой, созданных М.А. Разумовской, В.А. Швейцер и И.В. Кудровой, а также недавно появившейся биографии Д.П. Святополка-Мирского, написанной М.В. Ефимовым и Дж. Смитом, автором предпринята попытка реконструировать характер взаимоотношений поэта и критика, дополнить уже сложившуюся в цветаеведении картину новыми деталями, выявить причины специфических интерпретаций этого сюжета.

Ключевые слова: М.И. Цветаева; Д.П. Святополк-Мирский; литература российского зарубежья; русский Лондон; литературная биография.

Получено: 18.05.2022

Принято к печати: 14.06.2022

Информация об авторе: *Осовский* Олег Ефимович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, ул. Студенческая, 11 а, 430007, Саранск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Для цитирования: Осовский О.Е. Марина Цветаева в биографии князя Д.П. Святополк-Мирского // Литературоведческий журнал. 2021. № 3(57). С. 7–27. DOI: 10.31249/litzhur/2022.57.01

Oleg E. Osovskii

© Osovskii O.E., 2022

MARINA TSVETAeva IN THE BIOGRAPHY OF PRINCE D.P. SVYATOPOLK-MIRSKY

Abstract. The article is devoted to the literary and human relations between two prominent figures in the literature of Russian emigre literature, M.I. Tsvetaeva and D.P. Svyatopolk-Mirsky. According to the author, an analysis of this relationship in the context of the history of literature, culture, ideology and politics of emigration adds the new details to the modern understanding Russia abroad as well as the literary biography functioning and “little time” (M.M. Bakhtin) working in writer and literary critic’ life. The author uses materials from the biographies of M. Tsvetaeva by M. Razumovskaya, V. Schweitzer and I. Kudrova, as well as the recently published biography of D. Svyatopolk-Mirsky by M. Yefimov and J. Smith. The author attempts to reconstruct the nature of the relationship between the poet and the critic, to add new details to the already existing picture in colour studies and to highlight the reasons for specific interpretations of this subject.

Keywords: M.I. Tsvetaeva; D.P. Svyatopolk-Mirsky; Russian emigre literature; Russian London; literary biography.

Received: 18.05.2022

Accepted: 14.06.2022

Information about the author: *Oleg E. Osovskii*, DSc in Philology, Professor, Pricipal Researcher, M.E. Evseyev Mordovia State Pedagogical University, Studencheskaya Street, 11 a, 430007, Saransk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

For citation: Osovskii, O.E. “Marina Tsvetaeva in the Biography of Prince D.P. Svyatopolk-Mirsky”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(57), 2022, pp. 7–27. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.57.01

Марина Цветаева и князь Дмитрий Святополк-Мирский – две ярчайшие фигуры русского литературного зарубежья 1920–1930-х годов. Их взаимоотношения не раз становились предметом исследовательского внимания отечественных и зарубежных литературоведов. Прежде всего следует отметить хорошо известную статью

английского филолога-слависта Дж. Смита «Марина Цветаева и Д.П. Святополк-Мирский», которая была написана по-русски еще в начале 1980-х годов [см.: 16, с. 281] и опубликована в 1991 г. [17]. Именно здесь автор обозначил контуры проблемы, а в последующие годы дополнил свой текст по результатам собственных разысканий [22]. Этой проблемы так или иначе касаются и литературоведы – биографы Цветаевой, хотя неоднозначность их отношения к Святополку-Мирскому приводит к специфической интерпретации его роли в творческой судьбе и в формировании литературной репутации Цветаевой в 1920–1930-е годы. Фигура Святополка-Мирского неизбежно возникает в большей части работ, рассматривающих литературную и культурную жизнь российского зарубежья, судьбы эмигрантских журналов, взаимоотношения школ, кружков и направлений, эпистолярное наследие ведущих деятелей эмиграции [13; 14; 2; 18; 4; 10; 11 и др.].

Цель нашей статьи, прежде всего, состоит в том, чтобы определить место Цветаевой в биографии и литературно-критическом творчестве Святополка-Мирского с учетом контекста, который реконструирован биографами поэта и критика применительно к их взаимоотношениям, и выстроить по возможности детальную и внутренне непротиворечивую картину этих отношений, опирающуюся на выявленные в последние годы факты. Следует специально оговорить, что во внимание принимается и та избирательность, с которой биографы Цветаевой подходят к рассмотрению обозначенной в статье проблемы, отчасти исключая, отчасти игнорируя отдельные детали сюжета, что в принципе недопустимо в границах жанра научной биографии, однако вполне возможно в биографии литературной.

В серии «Жизнь замечательных людей» недавно появилась посвященная Святополку-Мирскому книга, написанная в соавторстве Дж. Смитом и известным специалистом по литературной истории русской эмиграции, исследователем и публикатором творческого наследия Святополка-Мирского М.В. Ефимовым [3]. Подчеркнем, что этот 700-страничный труд, снабженный многочисленными примечаниями и внушительной библиографией, выходит далеко за рамки требований к научно-популярным изданиям, по преимуществу публикуемым в этой серии, и может рассматриваться как историко-литературное исследование самого

высокого уровня. Исчерпывающее знание авторами литературной жизни русской эмиграции первой волны, ее идеологических, политических, социокультурных и даже бытовых контекстов, обращение к максимально широкому кругу источников – от газетно-журнальной периодики до уникальных архивных материалов, в частности эпистолярия, мемуаров и личных бесед – делают воссозданную в книге картину особенно достоверной и убедительной. Отчетливая симпатия авторов к Святополку-Мирскому ни в коей мере не сказывается на их отношении к остальным участникам литературного процесса, в том числе и тем, кто находился в стане оппонентов и критиков главного героя. Несмотря на всю непростоту диалога Мирского и Цветаевой в разные периоды их жизни, образ автора «Молодца» и «Поэмы Горы» представлен ярко и убедительно, талант Цветаевой и ее творческая самобытность не подвергаются сомнению, а извивы ее судьбы представлены как результат непростого характера и сложнейших жизненных обстоятельств. Таким образом, сюжет «Цветаева и Святополк-Мирский» из биографии литературного критика может рассматриваться и как важнейшее дополнение и в значительной степени расширение фактографии жизни поэта.

Отечественное и зарубежное литературоведение в последние годы уделяет значительное внимание жанру биографии, проблемам биографизма и автобиографизма в художественном и нехудожественном нарративах, роли эго-документа в организации биографического пространства и др. Достаточно напомнить оживленные дискуссии, разворачивавшиеся вокруг отдельных биографий, в том числе появившихся в ЖЗЛ, прежде всего вокруг биографии М.М. Бахтина [см.: 7; 9; 12; 21]. Примечательно, что еще в начале 1930-х годов, определяя важнейшие функции автобиографии и биографии в процессе становления и развития романного жанра, автор «Слова в романе» отмечал: «Биография и автобиография в течение своего развития выработали ряд форм, определяемых особыми организационными идеями: например, “доблести и добродетели” как основа организации биографического материала, или “дела и труды”, или “удачи-неудачи” и др.» [1, т. 3, с. 149].

Очевидно, что сам характер работы с литературной биографией писателя или литературного критика требует специального инструментария, в определенной степени выходящего за рамки

историко-литературного исследования. Дело не столько в необходимости актуализировать привычные для академического литературоведения биографический или психологический методы, сколько в их усилении за счет приемов «микроистории» К. Гинзбурга или «дальнего чтения» Ф. Моретти и иных практик современной литературной теории. Не менее эффективным, на наш взгляд, является в этом случае использование понятия «малое время» М.М. Бахтина, позволяющего рассматривать те или иные события жизни биографического героя с позиции «своей современности». Несмотря на то что значительная часть исследователей, изучающих философию времени Бахтина, отдают предпочтение его «большому времени», в последние годы возрастает интерес к категории «малое время», которая является важным элементом биографического времени [8]. Известный приоритет, который Бахтин отдавал «большому времени», не препятствует тому, чтобы адекватно оценить потенциал второго элемента дихотомии «большого» и «малого». «Контексты понимания. Проблема далеких контекстов. Нескончаемое обновление смыслов во все новых контекстах. “Малое время” (современность, ближайшее прошлое и предвидимое (желаемое) будущее) и “большое время” – бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает», – пишет ученый в поздних заметках [1, т. 6, с. 433]. Соответственно, принадлежащие «большому времени» русской литературы XX в. Цветаева и Святополк-Мирский встречаются в «малом времени» своих биографий, и именно пересечение этих встреч образует рассматриваемый в нашей статье сюжет.

Его интерпретация биографами Цветаевой реконструируется на основе трех книг – «Марина Цветаева: Миф и действительность» М.А. Разумовской, «Марина Цветаева» В.А. Швейцер и «Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой» И.В. Кудровой [15; 19; 6]. Их выбор определяется тем, что на протяжении 1970–1980-х годов авторами была сформулирована основная концепция цветаевской биографии, для В.А. Швейцер и И.В. Кудровой остававшейся неизменной и в начале 2000-х годов, когда были опубликованы книги, написанные на основе их предшествующих работ [20; 5]. Монография М.А. Разумовской оказалась одной из первых биографий Цветаевой, появившейся на русском языке после первой ее публикации на немецком. Потомок русских эмигрантов, представительница

родов Разумовских и Бенкендорфов, исследовательница поставила своей целью «познакомить немецких любителей лирики с поэзией Марины Цветаевой, рассказать о ее творчестве и ее жизни и обратить внимание на трагическую судьбу не только ее, но всего ее поколения» [15, с. 7]. Одной из задач автора было разрушение мифов, к тому времени складывавшихся вокруг имени Цветаевой, восстановление более или менее детальной картины ее жизни, которое основывалось, в частности, на беседах с непосредственными участниками и свидетелями событий, на прямом доступе к широкому кругу эмигрантских газет и журналов, имевшихся у автора как сотрудника Австрийской национальной библиотеки. Вклад в международное цветаеведение двух других авторов настолько значителен, что не нуждается в специальном комментарии, а их труды без преувеличения можно назвать классическими для этого раздела отечественной эмигрантики. При всем своеобразии каждой из книг их объединяют не только большая любовь к своей героине и стремление максимально полно представить ее биографию, но и акцентированная независимость от идеологических клише и штампов позднесоветской эпохи. И если в случае с М.А. Разумовской и В.А. Швейцер возможность этой независимости обеспечивалась публикацией за рубежом, то в ситуации с И.В. Кудровой это был реальный результат наступившей перестройки.

В книге М.А. Разумовской Святополк-Мирский впервые появляется как авторитетный критик русской эмиграции, высоко оценивавший поэзию Цветаевой, еще находившейся в Москве. Вряд ли автор подобным образом предрекает будущую встречу двух литературных светил, скорее авторитетное мнение Святополка-Мирского оказывается чуть не единственным в своей благожелательной оценке поворота Цветаевой к фольклорным формам, в частности к использованию сюжетов народных сказок в новых поэмах, в отчетливой смене поэтического размера и ритма.

В сконструированной М.А. Разумовской версии, не во всем отличающейся точностью деталей и дат, непосредственная встреча Цветаевой и Святополка-Мирского происходит в Париже, где разворачивается очередной акт «евразийской истории», в которой задействованы С.Я. Эфрон, П.П. Сувчинский и Святополк-Мирский как зачинатели и будущие редакторы журнала «Версты». Примечательно, что увлеченная личностью Цветаевой и несколько не

сомневающаяся в абсолютности ее таланта биограф практически полностью обходит вниманием заметный массив критических текстов Святополка-Мирского, посвященных эмигрантскому творчеству Цветаевой и содержащих чрезвычайно высокие оценки ее самобытной поэзии, акцентирующих новаторский характер ее художественных открытий и утверждающих первенство Цветаевой не только на эмигрантском, но и на российском поэтическом Олимпе. Здесь Святополк-Мирский готов поставить рядом с Цветаевой Б. Пастернака.

По мнению исследовательницы, важнейшую роль в упрочении эмигрантской репутации Цветаевой сыграл успех ее поэтического вечера, состоявшегося в феврале 1926 г. в Париже. По ее предположению, среди гостей вечера были и Святополк-Мирский, и редактор «Благонамеренного» князь Д.А. Шаховской. Трудно сказать, на основании чего было сделано предположение о приезде Мирского на этот вечер, однако то, что к этому времени творческие контакты поэта и критика достигли своего максимума, в том числе и благодаря сотрудничеству с «Благонамеренным», на страницах которого Цветаева и Мирский активно публикуются, очевидно. Не станем утверждать, что заявление М.А. Разумовской о цветаевском успехе преувеличено, хотя основывается оно по преимуществу на отзывах лиц, Цветаевой более чем симпатизирующих, – от восторженно-романтических и явно преувеличенных оценок С.Я. Эфрона в письме к В.Ф. Булгакову до отчета М.Л. Гофмана в берлинском «Руле».

На этом фоне практически остается незамеченной поездка Цветаевой в марте того же года в Лондон, где состоится еще один поэтический вечер, завершившийся серьезным литературным и финансовым успехом. Не располагающая о нем достаточными сведениями М.А. Разумовская ограничивает сообщение об этой поездке буквально несколькими строчками: «В мае (sic!) 1926 года Мирский пригласил Марину Цветаеву на две недели в Лондон, где он преподавал русский язык в Славянском Институте при университете и писал историю русской литературы. Дмитрий Петрович очень любит хорошую еду и водит Марину по лучшим лондонским ресторанам. Но безуспешно: Марину не интересует тонкая кухня – ее можно бы было кормить хотя бы сеном. Проведенные в Лондоне две недели – это ее первые каникулы после

восьми лет. Здесь у нее наконец есть время начисто отделать свою статью “Поэт о критике” и вести переписку с Шаховским о ее печатании в журнале “Благонамеренный”» [15, с. 229–230].

Одним из результатов лондонской поездки стал и последовавший скандал, связанный с публикацией в «Благонамеренном» упомянутой статьи, которая глубоко оскорбила чувства эмигрантского литературно-критического сообщества. Следует отметить, что по своей направленности статья Цветаевой вполне совпадала с написанным о состоянии литературной эмиграции Святополком-Мирским, все более резко противопоставлявшим ее упадку открытия новой советской литературы. Вкупе с евразийскими декларациями «Верст», «совдеповским симпатизанством» пражской «Воли России» позиция Цветаевой и Святополка-Мирского воспринималась большей частью эмиграции крайне негативно. Показательный пример подобного отношения М.А. Разумовская обнаруживает в одном из писем З.Н. Гиппиус: «Зинаида Гиппиус пустила в ход все регистры своего искусства интриги, чтобы уничтожить “шайку Шаховского – Святополк-Мирского, включая Маринку”» [15, с. 231].

Впрочем, биограф крайне увлечена главной героиней своего повествования и перипетиями ее трагической судьбы, чтобы удерживать в круге своего внимания дальнейшее участие Святополка-Мирского в ее жизни. Возможно, виной тому и то, что постепенно меняется отношение критика к творчеству и личности Цветаевой, ибо для него все более очевидно, что написанное Цветаевой в конце 1920-х – начале 1930-х серьезно уступает шедеврам середины десятилетия. М.А. Разумовская еще упомянет Святополка-Мирского среди тех, кто материально обеспечит существование Цветаевой в Париже: «...несколько лиц из русских наняли для семьи Эфрон квартиру, меблировали ее и заплатили аренду. Мы знаем, что к ним принадлежали князь Д.П. Святополк-Мирский, Саломея Гальперн-Андроникова, Е.А. Извольская и другие» [15, с. 242]. Как известно сегодня, финансовая помощь Святополка-Мирского была куда значительней, чем описанный эпизод, однако автору биографии это, по-видимому, известно не было. По понятным причинам фигура критика исчезает из дальнейшего повествования: отъезд в СССР в 1932 г. полностью исключил его из эмигрантского пространства цветаевской жизни.

Еще более неожиданно возникает фигура Святополка-Мирского в книге В.А. Швейцер. Впервые читатель видит его среди критиков пражской «Воли России», заведующий критическим отделом которой М.Л. Слоним представляется биографу фигурой куда более масштабной в своих оценках Цветаевой. Подобный поворот можно объяснить исключительно логикой литературной биографии, для которой «малое время» русской Праги, где на страницах эмигрантского журнала оказываются рядом поэт и доброжелательные к нему критики. Похоже, в подобном контексте можно уже не принимать во внимание историю более масштабную – процесс рецепции творчества Цветаевой эмигрантской критикой и роль в нем Святополка-Мирского, к этому времени выступившего с оценками цветаевского творчества не только в эмигрантских «Современных записках», но и в английской периодике. В версии В.А. Швейцер все выглядит куда скромнее, но эта «скромность» позволяет расширить ситуацию более рельефно. ««Воля России» была единственным журналом, постоянно, серьезно и доброжелательно следившим за творчеством Цветаевой, утверждая ее как одного из самых значительных и своеобразных русских поэтов. Журнал не просто защищал ее от нападков критики, обвинявшей ее в бессмысленности, “растрепанности” и намеренной экстравагантности того, что она пишет. Мнение читающей публики часто определяли такие – типичные для него в отношении Цветаевой – высказывания ведущего эмигрантского критика Георгия Адамовича: “Есть страницы сплошь коробящие, почти неприемлемые. Все разухабисто и лубочно до крайности” (о поэме-сказке “Молодец”). Или: “Что с Мариной Цветаевой? Как объяснить ее последние стихотворения, – набор слов, ряд невнятных выкриков, сцепление случайных и кое-каких “строчек” (о цикле “Двое”). “Воля России” последовательно рассматривала творчество Цветаевой как явление в общем русле русской и, в частности, эмигрантской литературы. Это относится прежде всего к М.Л. Слониму, одному из самых убежденных и последовательных ее приверженцев. Подводя итоги развития русской литературы после революции, он утверждал, что “пафос и движение цветаевской поэзии чрезвычайно характерны для всего десятилетия”. С такой же высоты оценивали работу Цветаевой и другие критики “Воли России”, например Д.П. Святополк-Мирский в статье

о “Крысолове”. Это поддерживало сознание, что “Воля России” для нее – свой журнал, где ее понимают и ценят» [20, с. 337].

Отчетливое желание младшего поколения эмигрантской литературы идти своим путем, стремление преодолеть духовный кризис первой половины 1920-х и отринуть «прежних богов», «евразийский соблазн» и утопическая надежда на постепенное обретение советской Россией человеческого лица приводили к серьезным изменениям: к появлению новых газет и журналов, пытавшихся декларировать свою аполитичность. На этом фоне понятны поворот С.Я. Эфрона к евразийской программе и симпатии Цветаевой к брюссельскому детищу князя Д.А. Шаховского, что вносит перемены и в личную жизнь Цветаевой: «Между первым и вторым номерами “Благонамеренного” Цветаева встретила и подружилась с Шаховским и Святополк-Мирским – оба бывали на улице Руве» [20, с. 343–344]. По убеждению биографа, именно состоявшееся знакомство сыграло решающую роль в восприятии Цветаевой критиком. Не станем подвергать сомнению обоснованность этого предположения, принимая во внимание ту степень свободы, на которую имеет право автор литературной биографии: «Не так давно назвавший ее в своей антологии “Русская лирика” “талантливой, но безнадежно распушенной москвичкой”, Святополк-Мирский по-настоящему открыл для себя поэзию Цветаевой только после личного знакомства с нею. Открыл на том самом месте, где она находилась – с “Ремесла” – не оглядываясь на ее прошлое, не сожалея о ее прежней “простоте” и “понятности”, как делали иные критики. “Имейте в виду, – писал он Д.А. Шаховскому, – что лучше ее у нас сейчас поэта нет...”. С этих пор Святополк-Мирский стал другом, почитателем и одним из немногих серьезных критиков Цветаевой» [20, с. 344].

Как и для М.А. Разумовской, важнейшим событием парижской жизни оказывается февральский поэтический вечер. При этом биограф очень мало сообщает об уже упоминавшемся нами поэтическом вечере Цветаевой в марте того же года в Лондоне, очевидно, не располагая достаточной информацией о нем: «...впервые за годы Цветаева на две недели очутилась одна в чужом городе, без детей, без домашних забот. Что мы знаем об этой поездке? Цветаева выступила на вечере современной русской поэзии. “Я буду философствовать, а Марина Ивановна будет читать стихи, свои и

чужие», – сообщал организовавший эту поездку Святополк-Мирский» [20, с. 346]. Именно в Лондоне происходит одно из первых литературных расхождений между Цветаевой и Святополком-Мирским: высоко оцененный им «Шум времени» О.Э. Мандельштама вызывает у его гости противоположную реакцию, и она обрушивается на мандельштамовскую прозу с яростными нападками, усмотрев в книге стремление автора заигрывать с властью.

С публикацией доработанной в Лондоне статьи «Поэт о критике» в жизни Цветаевой и Святополка-Мирского появляется еще один повод для диалога – литературная критика. В исполненном тотальной субъективности цветаевском мире возникает и фантастический образ единственного критика эмиграции, остающегося вне политики, – Святополка-Мирского. Не станем обсуждать странность подобной оценки одного из самых политизированных эмигрантских авторов, которому оставался лишь шаг до мастерского освоения советского вульгарно-социологического дискурса начала 1930-х: у В.А. Швейцера она сомнений не вызывает и никаким комментарием не сопровождается. Ни короткая история журнала «Версты», ни отсутствие особых успехов на евразийском поприще у С.Я. Эфрона, ни политическая и экономическая обстановка в Европе не способствуют улучшению жизни и быта Цветаевой. Святополк-Мирский уходит в ней явно на периферию, хотя, как полагает исследовательница, Цветаева по-прежнему внимательна к его публикациям: по крайней мере свою статью о гибели Маяковского она пишет, во многом отталкиваясь от книжечки Р.О. Якобсона и Д.П. Святополка-Мирского «Смерь Владимира Маяковского» [см.: 20, с. 402–403].

Несмотря на охлаждение отношений, как указывает В.А. Швейцера, Святополк-Мирский продолжал оказывать цветаевскому семейству финансовую поддержку, в первую очередь, на оплату парижской квартиры – «несколько лет присылал Эфроном деньги на квартиру – две трети их терма» [20, с. 416]; были и другие примеры: «Доплачивать за санаторий (того, что давал Красный Крест, не хватало) помогал Святополк-Мирский» [20, с. 415].

Наиболее адекватным можно признать историко-литературный подход, реализованный в книге И.В. Кудровой, по манере исполнения более близкой к литературоведческому исследованию, нежели к литературной биографии. Для автора принципиально

важной представляется та трансформация оценок цветаевского таланта, которая происходит в статьях критика в первой половине 1920-х годов. От «распущенной москвички» до «гордости» современной русской поэзии – так можно обозначить эволюцию восприятия Цветаевой Святополком-Мирским. И.В. Кудрова предпочитает придерживаться традиционной версии о том, что истоки личных взаимоотношений поэта и критика определяются совместной работой С.Я. Эфрона, П.П. Сувчинского и Святополка-Мирского над двумя издательскими проектами – журналом «Версты» и еженедельником «Евразия». Вынесенное на обложку «Верст» указание на непосредственное участие и Цветаевой, наряду с Л.И. Шестовым и А.М. Ремизовым, дает биографу основания предполагать гораздо большую встроенность Цветаевой в дела издания, нежели об этом писали другие исследователи. При этом она ссылается на мнение В.Ф. Ходасевича как человека, осведомленного о внутренней жизни парижских редакций: «Ходасевич, хорошо знакомый со всеми участниками “Верст”, был убежден, что затеяли издание журнала именно Цветаева и Святополк-Мирский» [6, с. 348].

Личное знакомство Цветаевой и Святополка-Мирского происходит по инициативе супругов Сувчинских. С этого момента и на долгие годы отношение критика к поэту в значительной степени определяется не только его литературными пристрастиями, но и сугубо человеческими мотивами, например желанием облегчить бытовые трудности в существовании большого поэта, по возможности создать приемлемые условия для творчества, в частности цветаевскими публикациями в каждом из трех номеров «Верст».

Несомненной удачей стала для Цветаевой, с точки зрения И.В. Кудровой, мартовская поездка в Лондон. Опираясь, как можно предположить, на уже упоминавшуюся статью Дж. Смита, исследовательница дополняет рассказ об этой поездке новыми для цветаевоведов деталями: «Десятого марта по приглашению Мирского Цветаева уехала в Лондон погостить, отдохнуть и выступить на вечерах, организованных Пен-клубом. Возможно, она читала еще и в Англо-русском литературном обществе, где часто выступал сам Мирский.

Прибытие Цветаевой в столицу Великобритании предварено появлением в “New Statesman” статьи о творчестве московской поэтессы; автор ее, как легко догадаться, тот же Мирский» [6, с. 351].

Оказавшись, благодаря «Верстам», в едином лагере, Цветаева и Святополк-Мирский выступают перед молодой аудиторией на парижских литературных вечерах и закономерно оказываются под огнем критики со стороны той части эмиграции, которая категорически отказалась принять политическую и литературную программу нового журнала. Как одно из самых характерных цитирует И.В. Кудрова высказывание З.Н. Гиппиус, выступившей под своим псевдонимом Антон Крайний: «Главный “обманщик”, грубой лестью заманивший Ремизова и Цветаеву в свое предприятие, – Святополк-Мирский; ему нужны эти имена для грязного дела: разложения эмиграции изнутри. По мнению Гиппиус, “сообразительность и нюх к моменту” прикрывают у Мирского отсутствие таланта и эстетического чутья...» [6, с. 363].

Окончательное исчезновение Святополка-Мирского из жизни Цветаевой происходит в 1932 г. Впрочем, как указывает биограф, имя его будет фигурировать на допросах арестованного НКВД С.Я. Эфрона в числе главных организаторов антисоветского евразийского подполья. Здесь будет озвучена и предложенная органами версия причины возвращения князя в СССР: «Святополк-Мирский <...> приехал в СССР, чтобы занять командные высоты в советской печати. Он должен был организовать травлю Фадеева по заданию Бруно Ясенского и его группы» [6, с. 640]. Имя Цветаевой в связи с Святополком-Мирским, насколько известно, в протоколах допросов не упоминалось.

Наиболее полное описание интересующего нас сюжета представлено в биографии Святополка-Мирского, написанной М.В. Ефимовым и Дж. Смитом. На первый взгляд может показаться, что предложенная исследователями версия имеет отчетливо антицветаевский характер, но в действительности она направлена не столько против поэта, сколько против части цветаевоведческих интерпретаций. «Мирский в биографии Цветаевой – сюжет известный. Для цветаевоведов он – один из добровольных помощников Цветаевой и страстный почитатель ее поэзии. Великий поэт – и при нем верный оруженосец или там адъютант, даром что лейб-гвардеец: в карауле стоять умеет.

Роли расписаны и ранжир понятен: Мирский – помощник, никак не самостоятельное лицо. Так, в общем, и должно быть: одно дело – поэт, другое – какой-то литературный критик, хоть и бурно сочувствующий» [3, с. 261]. Впрочем, более конкретно объекты авторской иронии не указаны, и мы можем с уверенностью сказать, что создательницы трех цветаевских биографий сюда явно не попадают.

Для М.В. Ефимова и Дж. Смита значение Цветаевой в жизни героя крайне велико. С письма Цветаевой Д.А. Шаховскому о значимости княжеского титула в русской аристократической иерархии начинается в книге разговор о происхождении семьи Святополка-Мирского [см.: 3, с. 8], а цветаевские строчки рассыпаны по страницам книги, видимо, для того, чтобы передать ощущение атмосферы эпохи. Авторы не говорят о судьбоносной предначертанности встречи Цветаевой и Святополка-Мирского, однако приводят примечательный факт из литературной биографии двух начинающих поэтов: в 1911 г. отклики на их первые стихотворные сборники оказались рядом в обзоре Н.С. Гумилёва в журнале «Аполлон»: «Мы точно знаем, что этот обзор был хорошо известен Мирскому. Есть все основания считать, что его также читала – и запомнила – Цветаева» [3, с. 107–108].

Цветаевский пласт в биографии Святополка-Мирского важен для исследователей по разным причинам: с одной стороны, в истории с Цветаевой проявляются его лучшие человеческие качества, с другой – оценка, а затем и переоценка поэтического дара Цветаевой – важнейшая тема работ критика о современной русской литературе, поскольку именно в них проходят проверку и его литературно-критические интуиции, и его способность к литературной и политической прогностике. М.В. Ефимов и Дж. Смит буквально по крупицам восстанавливают историю взаимоотношений Цветаевой и Святополка-Мирского, опираясь на самый широкий круг источников. Среди них записи бесед Дж. Смита с непосредственными участниками событий, включая В.А. Гучкову-Сувчинскую, впервые обнаруженные архивные материалы, мемуары современников и др.

В полном объеме реконструированная история лондонской поездки Цветаевой в значительной степени меняет представления не только о роли в ней Святополка-Мирского, но и о месте самой

поездки в биографии Цветаевой. Убежденный в масштабности поэтического дара Цветаевой и значении ее творчества для современной русской литературы, теперь уже, благодаря Сувчинским, знакомый с ней лично, он с конца 1925 г. предпринимает усилия для организации цветаевских выступлений в Лондоне. Он использует все свои связи – от А.В. Тырковой-Вильямс до сэра Бернарда Пэрса, директора Школы славянских языков Кингз-колледжа. Именно Пэрс не только предоставляет бесплатно университетское помещение, но и обеспечивает Цветаеву визой для въезда в Англию. Одна из целей Святополка-Мирского – познакомить с цветаевской поэзией заинтересованную английскую аудиторию, но не менее важно для него и помочь ей финансово. В книге цитируется письмо Святополка-Мирского А.В. Тырковой-Вильямс, датированное январем 1926 г.: «Я осмеливаюсь рассчитывать на вашу помощь в одном деле, которое (м.б., опрометчиво) затеваю: устройство вечера Марины Цветаевой в Лондоне. Она находится в очень бедственном положении (двое детей), и при нынешнем состоянии книжного рынка очень трудно рассчитывать на его поправление. Я надеюсь получить для этого даровое помещение, от Kings College. <...> В таком случае мне кажется не безумным рассчитывать на 30–40 фунтов сбора, т.е. за покрытием расходов £ 20–30, что для Франции и Чехии уже много. Мне очень хочется, чтобы это удалось, т.к. все-таки она <Цветаева> сейчас первый (несомненно) русский поэт, во всяком случае младшего поколения, и положение ее ужасное и безвыходное» [3, с. 264]. Надежды организатора оправдались, и практически сразу после выступления он пишет П.П. Сувчинскому в Париж: «Вечер М.Ц. был удачен – особенно в денежном отношении (больше чем я ожидал)» [3, с. 279]. А вот как выглядел состоявшийся вечер в восприятии самой Цветаевой: «Вечер прошел удачно. Лекцию Д<митрий> П<етрович> начал с посрамления Чехова, который ему более далек, чем нечитанный китайский поэт (хорошо ведь?). Стихи доходили. Хочу на часть денег издать Лебединый Стан, он многим нужен, убедилась» [3, с. 279–280].

Исследователи подчеркивают далеко не однозначное отношение Святополка-Мирского и к пражским евразийцам, и к своим парижским проектам, финансовым спонсором которых он в конечном итоге оказался, мобилизуя на них всю возможную под-

держку лондонских друзей и знакомых. Еще до приезда Цветаевой критик публикует в лондонском журнале *The New Statesman* первую английскую статью о поэте, подчеркивая, что «Цветаева лишена понимания со стороны консервативных по сути (“даже когда они социалисты”)” вождей эмигрантской литературы и журналистики и за исключением пражского журнала “Воля России” “эмигрантские журналы почти перестали принимать ее новые произведения”» [3, с. 276–277]. Статья вызвала серьезное недовольство заступавшейся прежде всего за «Современные записки» А.В. Тырковой-Вильямс, в ответ на отповедь которой Мирский пишет 1 марта: «Я думал в данном случае о фактической судьбе Марины Цветаевой, – о фактическом бойкоте ее всей эмигрантской прессой, после короткого увлечения ей. Она просто *загнана* в “Волю России”, потому что все другие редакторы от нее откидываются. И как раз именно для своих белых стихов (о Добр<овольческой> Армии) она не может найти издателя! Вина моя, что я не подчеркнул, что это именно редакторы, а не рядовая эмиграция. Я бы это сделал, если <бы> писал после огромного успеха ее вечера в Париже, который показал, что для рядовой эмиграции она очень близка. Но, искренне сознаюсь, что этот успех был для меня (да и для нее) совершенной неожиданностью» [3, с. 277].

Авторы не скрывают сложностей, возникших в отношениях Цветаевой и Святополка-Мирского уже во время ее пребывания в Лондоне, и дело было не только в резком неприятии ею «Шума времени» О. Мандельштама, но и в явном несходстве взглядов на жизнь. Эти отношения будут только ухудшаться, и в конце февраля 1927 г. он напишет П.П. Сувчинскому: «Я не могу себе простить, что мы напечатали “Тезез”. Как бы то ни было, если можно, поговорите с этой женщиной. Я ей напишу, чтобы она поговорила с Вами» [3, с. 347]. При этом биографы подчеркивают: «Но Мирский человека и поэта разделял. И поэт был важнее человека. И это не только с Цветаевой так. Поэты – пророки. В человеческой жизни они ведь и должны быть невыносимы» [3, с. 281].

Впрочем, и Цветаева-человек была важна для Святополка-Мирского, по крайней мере, становясь все более сдержанным в оценках ее поэзии, он не прекращал до самой последней возможности посылать ей деньги. Насколько существенна была его финансовая поддержка для Цветаевой, свидетельствует полное

отчаяния письмо Цветаевой С.Н. Андрониковой-Гальперн: «А дела на редкость мрачные. <...> Д<митрий> П<етрович> уже давно написал, что помогать больше не может, – не наверное, но почти, или по-другому как-то, в общем: готовьтесь к неполучке. Вере С<увчин>ской (МЕЖДУ НАМИ!) он потом писал другое, т.е. что только боится, что не сможет. <...> Мирские деньги были – квартирные. Просто – негде взять. <...> Поэтому, умоляю Вас, дорогая Саломея, не называя меня – воздействуйте на Д<митрия> П<етровича>. Без этих денег мы пропали. Если бы он категорически отказался, но этого нет: “боюсь, что не смогу” – пусть не побоятся и сможет. (NB! этого не сообщайте, вообще меня не называйте, просто скажите, что я – или мы (NB! он больше С<ергея> Я<ковлевича> любит!) в отчаянном положении, что я сама просить его не решаюсь, – словом, Вам будет виднее – как!). <...> Обнимаю Вас, дорогая Саломея, умоляю с Мирским. <...> ГОВОРЯ С Д<МИТРИЕМ> П<ЕТРОВИЧЕМ> НЕ УПОМИНАЙТЕ НИ О КАКОЙ ВЕРЕ. P.S. А вдруг Вы уже вернулись и с Д<митрием> П<етровичем> говорить не сможете?» [3, с. 526]. Хотя Святополк-Мирский уже уволен из Школы славянских языков и единственным источником его существования становятся гонорары за публикации, он находит деньги для Эфронов. «Я посылаю Эфрону (заметьте, Эфрону) сегодня £ 3, – пишет он С.Н. Андрониковой-Гальперн 7 марта 1931 г., – и в конце месяца пошлю еще» [3, с. 526].

Образ Марины Цветаевой, представленный в биографии Святополка-Мирского, по понятным причинам, куда более неоднозначен, чем в цветаевских биографиях, но нет сомнений, что приведенные в биографическом исследовании М.В. Ефимова и Дж. Смита факты и документы в значительной степени дополняют не только историю жизни Цветаевой эмигрантского периода, но и картину повседневности литературной эмиграции 1920-х – начала 1930-х годов. Не станем утверждать, что возникающий в книге образ Цветаевой кардинально отличается от уже известного, но несомненная заслуга авторов в том, что к нему добавлены новые грани.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Собр. соч. [в 7 т.]. М.: Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. Д.П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист / публ. М.В. Ефимова, О.А. Коростелева; пер. с англ. и вступ. ст. М.В. Ефимова; прим. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014–2015 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2015. С. 331–381.
3. *Ефимов М.В., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021. 702 [2] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1825).
4. Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел литературоведения; Редкол.: Петрова Т.Г. (отв. ред.) и др. М., 2005. 200 с.
5. *Кудрова И.В.* Версты, дали...: Марина Цветаева: 1922–1939. М.: Сов. Россия, 1991. 368 с.
6. *Кудрова И.В.* Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой. СПб.: Вита Нова, 2002. 768 с.
7. *Николаев Н.И.* Оporоченная жизнь философа // Литературный факт. 2018. № 7. С. 385–391. DOI: 10.22455/2541–8297–2018–7-385–391
8. *Осовский О.Е.* За пределами «маленького мирка»: М.М. Бахтин и современная западная теория // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 53–62. DOI: 10.17238/issn2227–6564.2018.6.53
9. *Осовский О.Е.* Ноу-хау биографического жанра // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 62–83.
10. *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* Архив редакции «Современных записок» как источник по истории литературы, культуры и образования русской эмиграции «первой волны» // Филология и культура. 2016. № 3. С. 135–140.
11. *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* «Вот и хочется найти способ подняться над каждодневной суетой»: А. Флоровский и филологическая жизнь эмиграции первой волны (по материалам архива ученого) // Вопросы литературы. 2017. № 6. С. 313–341.
12. *Перлина Н.* «Не могу молчать! Я обвиняю!» // Русская литература. 2018. № 3. С. 113–120.
13. *Перхин В.В.* К истории ареста и реабилитации Д.П. Святополк-Мирского (По архивным материалам) // Русская литература. 1997. № 1. С. 220–234.

14. *Перхин В.В.* Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д.П. Святополк-Мирского: К научной биографии критика // *Русская литература*. 1996. № 1. С. 235–262.
15. *Разумовская М.А.* Марина Цветаева: Миф и действительность: Доп. текст / пер. с нем. Е.Н. Разумовской-Сайн-Витгенштейн. London: Overseas publ. interchange, 1983. 416 с.
16. *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / пер. с англ. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. 528 с.
17. *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д.П. Святополк-Мирский // *Marina Tsvetaeva: Actes du 1er colloque international*. / ed. by R. Kember. Bern: Peter Lang Verlag, 1991. С. 192–206.
18. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011–2014.
19. *Швейцер В.А.* Быт и бытие Марины Цветаевой. Фонтене-о-Роз: Syntaxis, 1988. 536 с.
20. *Швейцер В.А.* Марина Цветаева. М.: Молодая гвардия, 2003. 592 с.
21. *Emerson C.* “The Fad for Bringing Bakhtin Down (and where it goes wrong)” // *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 194–211. DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.12
22. *Smith G.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000. 398 pp.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] [in 7 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1996–2012. (In Russ.)
2. D.P. Svyatopolk-Mirskii: istorik i istoricheskii publitsist [D.P. Svyatopolk-Mirsky: historian and historical publicist], ed. M.V. Efimov, O.A. Korostelev; trans. from English and pref. M.V. Efimov, comm. O.A. Korostelev. *Yearbook of the House of Russian Abroad. Alexander Solzhenitsyn. 2014–2015*, ed. N.F. Gritsenko. Moscow, 2015, pp. 331–381. (In Russ.)
3. Efimov, M.V., Smith J. *Svyatopolk-Mirskii* [Svyatopolk-Mirsky]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2021, 702 [2] p.: ill. (In Russ.)
4. *Klassika i sovremennost' v literaturnoy kritike russkogo zarubezh'ya 20–30-kh godov* [Classics and Modernity in Literary Criticism of the Russian Abroad of

- the 20–30 s]: Collection of scientific works of the INION RAS. Centre for Humanistic Scientific and Informational Researches], Petrova T.G. (ed.) et al. Moscow, 2005, 200 p. (In Russ.)
5. Kudrova, I.V. *Versty, dali...: Marina Tsvetaeva: 1922–1939 [Miles, istances...: Marina Tsvetaeva: 1922–1939]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991, 368 p. (In Russ.)
  6. Kudrova, I.V. *Put' komet: Zhizn' Mariny Tsvetayevoy [The way of comets: Life of Marina Tsvetaeva]*. St Petersburg, Vita Nova Publ., 2002, 768 p. (In Russ.)
  7. Nikolaev, N.I. “Oporochennaya zhizn' filosofa” [“The tainted life of a philosopher”]. *Literary Fact*, no. 7, 2018, pp. 385–391. (In Russ.)
  8. Osovskii, O.E. “Za predelami ‘malen'kogo mirka’: M.M. Bakhtin i sovremennaya zapadnaya teoriya” [“Beyond the ‘Small World’: M.M. Bakhtin and Modern Western Theory”]. *Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 6, 2018, pp. 53–62. (In Russ.)
  9. Osovskii, O.E. “Nou-khau biograficheskogo zhanra” [“Know-how of biographical genre”]. *Voprosy literatury*, no. 3, 2018, pp. 62–83. (In Russ.)
  10. Osovskii, O.E., Kirzhaeva, V.P. “Arkhiv redaktsii ‘Sovremennykh zapisok’ kak istochnik po istorii literatury, kul'tury i obrazovaniya russkoi emigratsii ‘pervoy volny’” [“Archive of the editorial board of ‘Sovremennye zapiski’ as a source for the history of literature, culture and education of the Russian emigration of the ‘first wave’”]. *Philology and Culture*, no. 3, 2016, pp. 135–140. (In Russ.)
  11. Osovskii, O.E., Kirzhaeva, V.P. “‘Vot i khochetsya nayti sposob podnyat'sya nad kazhdodnevnoi suyetoi’: A. Florovskii i filologicheskaya zhizn' emigratsii pervoi volny (po materialam arkhiva uchenogo)” [“‘Here I want to find a way to rise above the everyday bustle’: A. Florovsky and the philological life of the emigration of the first wave (on the materials of the scientist's archive)”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2017, pp. 313–341. (In Russ.)
  12. Perlina, N. “Ne mogu molchat! Ya obvinyayu!” [“I cannot keep silent! I accuse!”]. *Russian Literature*, no. 3, 2018, pp. 113–120. (In Russ.)
  13. Perkhin, V.V. “K istorii aresta i reabilitatsii D.P. Svyatopolk-Mirskogo (Po arkhivnym materialam)” [“To the history of arrest and rehabilitation of D.P. Svyatopolk-Mirsky (On archival materials)”]. *Russian Literature*, 1997, no. 1, pp. 220–234. (In Russ.)
  14. Perkhin, V.V. “Odinnadtsat' pisem (1920–1937) i avtobiografiya (1936) D.P. Svyatopolk-Mirskogo: K nauchnoi biografii kritika” [“Eleven letters (1920–1937) and autobiography (1936) by D.P. Svyatopolk-Mirsky: To the scientific biography of the critic”]. *Russian literature*, no. 1, 1996, pp. 235–262. (In Russ.)

15. Razumovskaya, M.A. *Marina Tsvetaeva: Mif i deystvitel'nost'* [*Marina Tsvetaeva: Myth and Reality*], trans. from German by E.N. Razumovskaya-Sein-Wittgenstein. London, Overseas publ. interchange, 1983, 416 p. (In Russ.)
16. Smith, G. *Vzglyad izvne: Stat'i o russkoy poezii i poetike* [*The outside view: Articles on Russian poetry and poetics*], trans. from English by M.L. Gasparov, T.V. Skulachova. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury Publ., 2002. 528 p. (In Russ.)
17. Smith, G. “Marina Tsvetaeva i D.P. Svyatopolk-Mirskii” [“Marina Tsvetaeva and D.P. Svyatopolk-Mirsky”]. *Marina Tsvetaeva: Actes du ler colloque international*, ed. by R. Kemball. Bern, Peter Lang Verlag, 1991, pp. 192–206. (In Russ.)
18. “*Sovremennye zapiski*” (*Parizh, 1920–1940*). *Iz arkhiva redaktsii* [“*Contemporary Notes*” (*Paris, 1920–1940*). *From the archives of the editors*]: in 4 vols., ed. by Oleg Korostelev and Manfred Shrubu. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011–2014. (In Russ.)
19. Schweitzer, V.A. *Byt i bytiye Mariny Tsvetaeyevoy* [*Genesis and Being of Marina Tsvetaeva*]. Fontaine-aux-Roses, Syntaxis Publ., 1988, 536 p. (In Russ.)
20. Schweitzer, V.A. *Marina Tsvetaeva* [*Marina Tsvetaeva*]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003, 592 p. (In Russ.)
21. Emerson, C. “The Fad for Bringing Bakhtin Down (and Where it Goes Wrong)”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 194–211.
22. Smith, G. *D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2000. 398 p. (In English)